

Как известно, литературные тексты сочиняются в двух состояниях: либо от случая к случаю, когда, как говорится, Муза посетит, и вообще, есть настроение для сочинительства – либо постоянно-ежедневно, как спортсмен: хочешь – не хочешь, а тренируйся каждый день, чтобы форму не потерять. Юрий Олеша: «Ни дня без строчки»...

Что ж, у каждого – своя, только ему приемлемая «метода», у каждого - своя творческая колбаса...

Писатель Сладостанов был верным приверженцем первого постулата: писал именно под настроение, поэтому и тексты у него получались лёгкими, даже озорными и обязательно радостными, если не сказать – весёлыми. Писатель же Бубликов следовал совету Олеша, поэтому его тексты отличались значимостью (некоторые даже фундаментальностью), выглядели весомо и читались с усилием. Если же они и несли в себе некоторую долю оптимизма, то оптимизм этот был тяжело выстраданным и откровенно пессимистическим, даже в тех случаях когда Бубликов уверял читателя в светлом и обязательно радостном всеобщем будущем.

Несмотря на такую принципиальную разницу в творческих методах и психологических приёмах, внешне эти два выдающихся по местным масштабам «деятели пера» были поразительно похожи: оба - среднего веса, роста и возраста, оба – слегка плешивые брюнеты, у обоих – намечающееся пузцо и уже не намечающийся, а отчётливо выраженный нос картошкой. Про совершенно же идентичную оттопыренность ушей в местном бомонде даже ходила устойчивая сплетня, что у Сладостанова и Бубликова общие то ли папа, то ли мама, то ли и то, и другое сразу. Просто они сей пикантный факт тщательно и совершенно непонятно скрывают, хотя и так всем

всё видно и так всем всё понятно.

У них даже жёны носили похожие имена: У Сладостанова – Муся, у Бубликова – Нюся, а вот детей не было ни у того, ни у другого. Что ни того, ни другого совершенно не напрягало: ну, нет и нет, и хрен с ними, что нет. Без пелёнок и детских соплей больше простора для творческих свершений.

Встречались они обычно на собраниях местной литературной общественности, которые устраивались в городском отделе культуры и считались культурными событиями из категории не значимых, но многозначительных. Бубликов, как правило, критиковал (и не только Сладостанова), причём делал это совершенно беспощадно, даже с таким большевистско-иезуитским сладострастием. Сладостанов, как правило, помалкивал, глядя вокруг привычно весёлыми, мало чего понимающими и уж совершенно не кающимися глазами.

- Что такое литература? – Громогласно вещал с трибуны Бубликов, после чего многозначительно замолкал, наливал из графина в стакан, выпивал, всё с той же многозначительностью на монументально-постном лице шумно вздыхал и продолжал:

- Какие у неё задачи? А задачи у неё, товарищи, в первую очередь нравственно-воспитательные! Чтобы воспитывать читателя в нравственных началах и нравственных же идеях, которые преступать никому из нас ни в коем случае нельзя! Ни в коем! Чтобы читатель рос, так сказать, ведомый, осеняемый, осязаемый и вдохновляемый великой русской литературой, представителями которой нам выпала огромная честь!

После слова «честь» по его лицу пробежала лёгкая, еле уловимая тень брезгливости и даже отвращения, впрочем, почти никому не заметная, а кто всё-таки замечал, списывал её на нервный тик. Дескать, во как человек старается! До самых нервов! Одно определение – могучий оратор!

Далее по раз и навсегда заведённому порядку следовали казённо-дружные аплодисменты, умело провоцируемые сотрудниками всё того же отдела культуры и уныло поддерживаемые сидящими в зале «деятелями пера». На их «деятельных» лицах без труда читались скука, противная озабоченность и даже раздражение. Дескать, ну-ну. Чеши

дальше, осеняемый и вдохновляемый. Трибун ты наш, пламенный и несравненно задрипанный!

Домой после собраний Бубликов и Сладостанов возвращались вместе, потому что жили по соседству.

- Что пишется, Павел Герасимович? – Весело интересовался Сладостанов. Он всегда интересовался творческими новостями собратьев по перу. Бубликов в свою очередь ими не интересовался никогда. Он не считал местных собратьев личностями своего уровня, и вообще личностями.

- Заканчиваю роман, - со значением отвечивал Бубликов и многозначительно поджимал губы.

- «В бурю»? – Проявлял осведомлённость Сладостанов, явно желая подфартить собеседнику.

- Почему же «В бурю»? – Вроде бы даже слегка обижался Бубликов. – «В бурю» я закончил летом. А этот роман я предварительно назвал «Гроза».

- Под Островского шпарите! – Начинал совершенно легкомысленно хохотать Сладостанов. Бубликовские губы вытягивались в тонкую ниточку. Таким способом он выражал решительное несогласие со сладостановским весельем.

- Как вы изволите выражаться, шпарить я не имею привычки, - разлепив ниточку, тихим, но с очень значимым акцентом, произносил Бубликов. – Шпарт ремесленники. Я – работаю.

Слово «работаю», подразумевавшееся – «творю», произносилось с таким невыразимо весомым значением и на такой недостижимой пониманию простого смертного высоте, что Сладостанов по идее должен был упасть замертво от осознания собственных нелепости, ничтожности и никчемности. Странно, но он почему-то не падал. Почему? Ведь должен же был! Обязательно и всенепременно!

- Да-а-а..., - непонятно отвечивал Сладостанов. – Работа, работа... От неё, бывает, даже кони дохнут. А, Павел Герасимович? – И он совершенно легкомысленно толкал Бубликова плечом. Дескать, как думаешь-то, старый мерин? Дохнут? Сам-то не собираешься копыта на полку?

Бубликов считал ниже своего творческого достоинства отвечать на такую откровенную пошлятину.

- А я вот тоже... « В бурю», - продолжал Сладостанов, – Такая, Пал Герасимыч, тягомотина – но зато по заказу. Обещали заплатить.

- В гильденах? – Иезуитски искривляя рот, интересовался Бубликов. В этом названии иностранной валюты, прорывалась, наконец, вся его глубинная патриотическая сущность. Да, Бубликов был страстным патриотом! Причём считал желательным это благородное чувство пропагандировать при каждом удобном случае, а при неудобном делать это даже обязательно, даже вопреки обстоятельствам, что придавало этой демонстрации отчётливый садо-мазохистский окрас.

- Во франках, - не реагируя на подвох, простодушно признавался Сладостанов. – Французы заказали.

- Льёте, значит, воду на мельницу нашим идеологическим врагам? – Продолжал беспощадно добивать соседа-попутчика Бубликов.

- Лью, - безропотно соглашался Сладостанов. – А куда деваться? Дом, семья, алименты. Кредит ещё не выплатил за ореховый гарнитур... Так что лью, Пал Герасимыч! ПлАчу и лью! – и далее следовало этакое то ли шутовское, то ли гротексное разведение рук.

- Торгуете Родиной! – не принимал шутовства Бубликов. Мысль, что он и сам бы с превеликой радостью продал чего-нибудь своим идейно-империалистическим врагам (да вот только не покупают, собаки! Даже не интересуются!), была задавлена им в зародыше с беспощадной патриотической решимостью.

- А вы зря, между прочим, скоморошничаете! – Продолжал Бубликов – Они не только наши идеологические враги, но и враги нашей великой культуры! Они же покушаются на наши нравственные принципы! На святое! – И в этот момент в воздух обязательно взвивался указательный палец правой бубликовской руки, который пригвождал заграничных проходимцев, а заодно и их прислужника-приспешника Сладостанова, к позорному небесному столбу.

- Да я понимаю, понимаю., - опять покорно соглашался Сладостанов. – А чего делать-то? Семья, кредит... У жены – придатки... Слава Богу, что не тридцать седьмой год на

дворе!

- Вот в том-то и дело! – Ехидно отвечал Бубликов, то ли осуждая всем известные массовые репрессии, то ли одобряя их классовую принципиальность. – А то бы кабы!

Они сворачивали в переулочек, выводящий к их дому, и тут же попадали в поле зрения старушек, сидящих на лавке у первого подъезда.

- Идут, - ехидно замечала первая. – Два голубка. Морды что у одного, что у другого.

- А чего им? – Откликнулась вторая. – Всю жизнь ничего тяжелее... (далее следовало простонародно-матерное название мужского полового органа)... не поднимали. Оттого такие и гладкие.

- Их бы к нам на завод, - охотно соглашалась третья. – В обрубку или «стальную». Враз бы похудели, дармоеды.

- Здравствуйте, бабоньки! – Радостно приветствовал старушек Сладостанов. – Как живёте-можете?

- Лучше всех! - Бойко отвечала первая. – И вам того же!

- И нам туда же! – Соглашался тот. Бубликов в этих придурочно-прибауточных словообменах участия никогда не принимал. - Видал я этих бездельниц в гробу и картонных тапочках», - было написано на его суровой физиономии., - Отбросы общества. А ведь когда-то были передовыми пролетарками! Может даже, ударницами труда!

- Пошли... писать, - говорила первая, когда писатели скрывались в подъезде. – Графья толстые, едрить их... МоцартА с сальериями.

- МоцартА - это которые музыку сочиняют, - не соглашалась с ней вторая, более развитая в интеллектуальном отношении. – А Сальерий - где загорают!

- Сальерий... - хмыкала третья, ещё более интеллектуальная. – Солярий! У меня свояченица зимой ходила целых две недели на абонементе. Шестьдесят под Новый год справили, а всё перед мужиками хвостом крутит. Никакого прям приличия.

- Всё одно дармоеды, - стояла на своём первая. – В совхоз таких дубиной не загонишь..., - и вдруг вспоминала. – Да! На рынок-то сегодня ходил кто? Картошка не подорожала? А яйца?